

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.5>

Манкиева Эсет Хамзатовна

РУССКАЯ "КАВКАЗОВЕДЧЕСКАЯ" ПРОЗА XIX В.: ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС

Предметом исследования является гендерный дискурс кавказской темы в интерпретации русских писателей XIX в. - А. А. Бестужева-Марлинского, А. В. Дружинина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, каждому из которых довелось быть участником или очевидцем Кавказской войны (1722-1864). Цель - идентифицировать специфику северокавказской гендерной картины мира в художественной трактовке представителей русской реалистической и романтической школ. Впервые на материале "кавказоведческой" русской литературы воссоздан собирательный образ женщины-горянки XIX в. Результаты исследования вносят определенный вклад в малоизученную теорию гендера, гендерный дискурс русской литературы и научное кавказоведение. Автор статьи приходит к выводу, что А. А. Бестужев-Марлинский, А. В. Дружинин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой - русские писатели, реалистически запечатлевшие физический, психологический и ментальный облик северокавказской женщины в условиях фронта. Определяющими чертами ее образа выступают способность мыслить "поверх конфликта", тотальное отрицание войны и утверждение мира как высшей ценности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 23-28. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, привлеченный к анализу материал показывает, что основу этнопоэтики ранних рассказов Е. Айпина составляют элементы устного народного творчества. Этнопоэтика ранних рассказов книги «Время дождей» раскрывается в характере сравнений, олицетворений, метафор, а также в системе образов и стилистической манере писателя.

Особенности стиля Е. Айпина передают этничность, свойственную произведениям писателя, а также подчеркивают стилевое своеобразие мастера слова.

Список источников

1. Айпин Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: роман и рассказы. М.: Русло, 1993. 423 с.
2. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: дисс. ... д. филол. н. Ханты-Мансийск, 2013. 466 с.
3. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.
4. Михайловская Н. Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. М.: Наука, 1984. 160 с.
5. Огрызко В. В. Литература отчаяния и надежды // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 3-29.
6. Рогачев В. А. Стрелы вольного охотника // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 139-146.
7. Роговер Е. С. Творчество Еремея Айпина: монография. СПб.: Олимп-СПб, 2007. 212 с.
8. Рябий М. М. О лирических рассказах Еремея Айпина // Эринтур (Поющее озеро). Ханты-Мансийск, 2013. Вып. 18. С. 282-286.
9. Самсон Д. Невероятность Трех Миров // Мир Севера. 2001. № 6. С. 88-91.
10. Тулуз Е. Две ветви одного дерева // Мир Севера. 2000. № 5. С. 70-73.
11. Цымбалистенко Н. В. Утрача корни // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 179-190.

**ETHNO-POETICS OF EREMEI AIPIN'S EARLY STORIES
(BY THE MATERIAL OF THE CYCLE "THE TIME OF RAINS")**

Isakova Snezhana Anatol'evna

*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
snejana_issakova@inbox.ru*

The article considers the national specificity of the Khanty writer E. Aipin's creative work. Using the comparative analysis method the author examines the writer's early stories included in the cycle "The Time of Rains". The research findings indicate that ethno-poetics of the mentioned stories is based on the elements of oral tradition. The texts contain the insertions of mythological storylines and motives representing the unique Khanty mentality closely associated with the natural world. Its peculiarities are clearly represented in Aipin's prose.

Key words and phrases: folklore; folklore genres; poetics; ethno-poetics; national vocabulary; story; comparative analysis; Khanty literature; E. Aipin.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 09.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.5>

Предметом исследования является гендерный дискурс кавказской темы в интерпретации русских писателей XIX в. – А. А. Бестужева-Марлинского, А. В. Дружинина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, каждому из которых довелось быть участником или очевидцем Кавказской войны (1722-1864). Цель – идентифицировать специфику северокавказской гендерной картины мира в художественной трактовке представителей русской реалистической и романтической школ. Впервые на материале «кавказоведческой» русской литературы воссоздан собирательный образ женщины-горянки XIX в. Результаты исследования вносят определенный вклад в малоизученную теорию гендера, гендерный дискурс русской литературы и научное кавказоведение. Автор статьи приходит к выводу, что А. А. Бестужев-Марлинский, А. В. Дружинин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой – русские писатели, реалистически запечатлевшие физический, психологический и ментальный облик северокавказской женщины в условиях фронта. Определяющими чертами ее образа выступают способность мыслить «поверх конфликта», тотальное отрицание войны и утверждение мира как высшей ценности.

Ключевые слова и фразы: русская литература; проза; кавказоведение; гендер; Бестужев; Дружинин; Лермонтов; Толстой; миротворчество.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru*

РУССКАЯ «КАВКАЗОВЕДЧЕСКАЯ» ПРОЗА XIX В.: ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС

Сохранение российской национальной и культурной идентичности в условиях глобализации является одной из самых актуальных задач современности. В решении этого сложнейшего вопроса по преимуществу

больше задействованы дисциплины политической направленности. При этом недооцененной областью остается литературное творчество, в особенности классическая русская литература с ее богатейшим художественным опытом в консолидации народов, создании единого коммуникативного пространства российского социума.

С этой точки зрения особый интерес представляет «кавказоведческая ветвь» русской литературы в лице А. В. Дружинина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого, которые с этнографической точностью, величайшим художественным мастерством и редкостным гуманистическим пафосом запечатлели образ многогранного Кавказа наряду с ландшафтом, историей, языковой пестротой, обычаями, традициями, психологическим обликом горцев и горянок.

Важнейшей составной частью русского художественного кавказоведения является гендерный дискурс, позволяющий крупным планом увидеть фактически закрытый мир женской субкультуры Юга России. Длительное время женщина Кавказа воспринималась как *“femina incognita”* или как абстрактная «восточная женщина». В этом отношении важную идентификационную роль сыграли произведения названных русских классиков, практически каждый из которых является не «кабинетным писателем», а живым свидетелем истинной картины вещей на Северном Кавказе позапрошлого столетия.

Исторически сложилось так, что определяющей чертой русско-кавказских отношений в XIX в. стал фронт — демаркационная линия, обозначающая в тот период столкновение двух цивилизаций [13]. Из-за этого художественное творчество «русских кавказоведов» в определенном смысле представляет собой столетнюю летопись о войне и мире с ее главным итогом: превращение фронта в пространство культурного содружества и единения русско-кавказских народов.

Свидетельства русских авторов являются одним из важнейших источников истории и культуры народов Северного Кавказа. Их познавательная ценность обусловлена тем, что в XIX в. у большинства горских народов еще не было своей письменности и своей профессиональной литературы, потому произведения русской романтической и реалистической школ являются уникальным источником этнокультурных знаний и средством самопознания для народов Юга России. По трудам русских классиков можно восстановить и акцентировать огромную миротворческую роль женщин-горянок, которые интуитивно всегда находились «поверх конфликта» и стремились налаживать мир между народами. В этой связи особое значение имеет научное исследование гендерного дискурса русской литературы XIX в., учет беспримерного женского опыта в гармонизации общественных отношений, умении мыслить «поверх» военного конфликта.

На пересечении тематических линий «Кавказ» и «гендер» в русской романтической литературе родилось большое количество поэтических и прозаических произведений. Диапазон прочтения образа северокавказской женщины в них весьма обширен. Многие авторы, полностью ассоциируя Кавказ с собирательным образом «Востока», создают трафаретные типажи горянок, наделяя их звучными именами «Селтанета», «Мадмуазель Жаннет», необыкновенной физической силой, страстным темпераментом и т.д.

Реализм как литературно-художественное направление и как творческий метод, вне всякого сомнения, переводит исследование гендерной картины мира на качественно новый уровень по сравнению с романтизмом. Здесь нет «приблизительных», условных, романтизированных героев и героинь, большей частью живущих во «второй реальности», в воображаемой восточной стране. Отличительная черта русских реалистов, волею судьбы соприкоснувшихся с событиями Кавказской войны, — глубокая историческая объективность, обусловленная их личным участием в войне, знанием горской жизни изнутри. В настоящее время их произведения читаются как ценные информативные источники, из которых можно извлечь знания о самой разной жизненной сфере горцев, в том числе о специфике гендерной парадигмы Северного Кавказа XIX в.

Современное состояние гендерного литературоведения определяется той особой точкой «нового старта», когда основная фундаментальная теория гендера уже выстроена, за которой должно последовать решение конкретных задач на конкретном художественном материале. В частности, громадное значение имеет этногендерный ракурс исследования, поскольку за прошедшие столетия у каждого народа на планете сложились определенные полоролевые нормативы социального поведения, свои стереотипные представления о статусе женщины и мужчины. На самом деле, следует иметь в виду, что существует реальная «дистанция огромного размера» между социально одобряемыми гендерными ролями, к примеру, в американском и кавказском этноколлективах.

С учетом данного обстоятельства сегодня актуализованы этногендерные исследования, позволяющие, переходя от абстрактного теоретизирования, крупным планом изучить образ женщины как носительницы социокультурных стереотипов определенного народа. Женщина Северного Кавказа в этом плане одна из самых загадочных и таинственных фигур, донельзя противоречиво и сложно истолкованная в научной и околонучной литературе.

Русская литература XIX в. в этом отношении является объективным, незамутненным «зеркалом», в котором отпечатались многообразие представлений о кавказской женщине. Естественно, есть заметная разница во взгляде русского романтика и русского реалиста, даже если они оба знают специфику кавказской действительности. Романтики (ранний Пушкин, ранний Лермонтов, Полежаев и др.) под влиянием европейской романтической эстетики изображают северокавказскую горянку как типичную восточную женщину без учета многочисленных отличительных черт в ее внешнем и внутреннем психологическом облике.

Иное — у реалистов, особенно уровня Л. Н. Толстого и «позднего» М. Ю. Лермонтова, которые не просто создают дежурный национальный контекст главной героини, но стараются с этнографической точностью

отобразить детали быта, материальной и духовной культуры, антропологического облика, одежды, украшения, прически, воспитания женщины.

При изучении северокавказской гендерной картины мира заметны универсальные законы патриархального мира с его доминантой мужского над женским: мальчик «ценнее» девочки, брат «важнее» сестры, муж «верховнее» жены и т.д. Однако над всей этой иерархической системой возвышается фигура матери с ее непререкаемым авторитетом в семейной и общественной жизни. Сакрализация образа матери, наделение ее чертами святости характерны и для русской культуры. Как справедливо отмечает С. В. Крадецкая, «материнство и чадолюбие были одними из главных характеристик идеального образа женщины, сформировавшегося на Руси после принятия христианства». По мнению ученой, «свое влияние на отношение к матерям и материнству в России оказал и распространившийся культ Богородицы» [5, с. 164].

Под влиянием западноевропейского романтизма у русских писателей-романтиков 1820-1830-х гг. сформировался большой и устойчивый интерес к образу женщины-мусульманки Северного Кавказа. Уясняя зарубежные источники образов северокавказской женщины, созданных русскими писателями 1820-1830-х гг., мы нашли наибольшую генетическую связь их с героинями «восточных» поэм Байрона. Эта связь выявляется главным образом на уровне типологических черт, определенных представлениями и идеалами романтизма не столько в его национальном своеобразии, сколько в его общей для литератур Европы направленческой основе. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. В. Полежаев, А. А. Бестужев-Марлинский большей частью не только самобытны в своих выразительных и изобразительных поэтических средствах, но они нередко даже превосходят Байрона, хотя сами прямо указывают на связь своих «кавказских» поэм и повестей с «восточными повестями» Байрона отдельными строками или цитатами-эпиграфами из этих произведений английского поэта. «Нет, я не Байрон, я другой / Еще неведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русской душой» [8, с. 130], – писал о себе Лермонтов еще на восемнадцатом году своей жизни, интуитивно отмечая творческую самобытность даже в лиро-эпических поэмах байронической традиции.

Кавказская тематика в творческом наследии А. А. Бестужева-Марлинского-писателя занимает обширное место. За неполные семь лет пребывания на юге России им написано больше десятка путевых заметок, очерков, эссе и повестей о Кавказе. Из всех его произведений наиболее гендерно маркированной является повесть «Аммалат-Бек» [2].

Мировая культура запечатлела множество историй трагической разьединенности двух влюбленных людей, их фатальной невозможности быть счастливыми по причине войны: междоусобной, гражданской, международной и т.д. Такая пара трагических героев представлена в повести А. А. Бестужева в лице Аммалатбека и Селтанеты, ставших заложниками одной из самых жестоких и затяжных войн на южных рубежах России в XIX в. Автор показал, каким рикошетом фронтирная жизнь, полная противоречий, психологических и физических столкновений, бьет по живым человеческим чувствам. Двойной тематикой (войны и любви) определена композиционная структура анализируемой повести, где перемежаются строго реалистические, документальные главы о хронике военных событий и сентиментально-романтические о взаимоотношениях влюбленных.

Повесть А. А. Бестужева-Марлинского читается как ода кавказской женщине-горянке, которая по своей внутренней природе является миротворицей, противницей всяких войн, заступницей всего живого и здорового. Писатель поэтизирует ханшу и Селтанету как женщин, способных встать над семейными, аульскими, национальными интересами во имя высших общечеловеческих, гуманистических идеалов. Такова повесть «Аммалат-бек», культурологическая ценность которой, по справедливому замечанию литературоведа К. К. Султанова, определяется «глубинным зондированием идеи сближения, преодолеваемого отчуждения в совмещении, казалось бы, несоединимого, угадывания поверх конфликта возможного обретения объединяющей исторической дороги» [10, с. 173].

Кавказ и Лермонтов – особая тема. С полным на то основанием Кавказ можно назвать «интеллектуальной и духовной колыбелью» великого русского поэта. На Северном Кавказе русского поэта давно воспринимают как собственного классика. Касаясь вопросов ориентализма в творчестве русского поэта, один из самых авторитетных лермонтоведов В. А. Захаров подчеркивает, что «в его произведениях мы не найдем ни малейшего намека на колонизаторскую роль России или на высокомерное отношение к народам, населяющим Кавказ. Весь цикл кавказских произведений Лермонтова, наоборот, проникнут дружелюбием, переходящим в восторг, а где-то и в любовь к Востоку» [4, с. 35]. Поэт на самом деле был «новым ориенталистом», которого на Кавказе интересовала не военная романтика, а глубинная культура российского Востока.

В русле «высокого реализма» создан и роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» [7], в основу которого положены впечатления автора от пребывания на Кавказе. Тот же реалистический подход отличает и наиболее интересующую нас первую часть романа («Бэла»), где изображен один из самых ярких образов северокавказской женщины в истории русской литературы.

Вечная тема любви, предопределенной естественными, природными чувствами и запрещенной этническими, конфессиональными, социальными предрассудками, в анализируемом романе приобретает особую «фронтирную» интерпретацию в изложении М. Ю. Лермонтова. «Любовью с первого взгляда» можно назвать чувства, пережитые горянкой и русским офицером в момент их первой встречи на свадебном пиру. Сложившийся в романе классический треугольник «Бэла – Печорин – Казбич» совсем скоро преобразовывается в настоящий «многоугольник», в который оказываются втянутыми меркантильные интересы окружающих. Любопытно отметить, что судьбу Бэлы, по сложившейся в «мужских» романах традиции, решает

не сама женщина, а окружающие ее мужчины. В лермонтовском романе даже простой арифметический подсчет показывает превалирование мужчин над женщинами в количественном измерении.

Поведение Печорина, его отношение к Бэле может быть «прочитано» на разных уровнях. С социальной точки зрения, в герое «прочитывается» светский ловелас, хорошо владеющий инструментом обольщения красавиц. Гендерные различия между героями быстро дают о себе знать: девушка настроена на оседлый, семейный образ жизни, в то время, как Печорин томим жаждой путешествий, наподобие своего литературного двойника – Чайльд Гарольда (Байрон).

Для Бэлы же как для истинной женщины жизнь с любимым мужчиной даже в русской военной крепости, с невероятно осложненными отношениями с родными, все равно кажется счастливой. Даже в такой экстремальной обстановке она по-своему «вьет» семейное гнездышко: потихоньку учит родной (русский) язык своего мужа, приноравливается к его вере. Много в отношении Печорина к Бэле объясняет флористическая образность, сравнение девушки с цветком: любование и любовь, пока растение цветет, и полное равнодушие после того, как «цветок сорван» [9, с. 108]. У Печорина огромный экзистенциальный страх перед женитьбой. Сам герой называет это «врожденным страхом» и, самооправдываясь, приводит аргумент: «Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей». И далее снова призвание: «Надо мною слово *жениться* (курсив автора) имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне дает только почувствовать, что я должен на ней жениться, – прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова» [7, с. 557].

Одна из самых по-гендерному парадоксальных и страшных фраз о Бэле, которая звучит в романе, вложена в уста Максим Максимыча: «Нет, она хорошо сделала, что умерла» [Там же, с. 487]. Мудрый старик с его пронзительным умом понимает психологическую несовместимость двух молодых людей, которые «рано или поздно» расстались бы. Жизнь без любимого человека для Бэлы превратилась бы в мучительный процесс, по сравнению с которым физическая кончина – избавление, спасение, по-своему даже счастливая развязка этой драматической истории.

Образ Печорина настолько глубок и напитан культурными смыслами, что простым гендерным измерением его невозможно объяснить и исчерпать до дна. Он воплощает в себе не только мужчину в его сложных отношениях с женским полом. Печорин – эмблематический герой своего времени, и его странное поведение обусловлено в том числе и трагедией Кавказской войны, расколотостью мира на Запад и Восток, Азию и Европу, героическое прошлое и бездействующее настоящее. Сами токи времени перерезают его путь к созданию Дома и Семьи – ценностей, которые ни физически, ни биологически не могут выжить на линии разлома, разрыва, разлада.

Философская идея рассказа А. В. Дружинина “Madmoiselle Jeannette” [3] тесно связана с культурным диалогом, который пусть с большим трудом, в осложненной форме, но все же выстраивается поверх навязанного народам России и Кавказа царским правительством военного конфликта. По уже сложившейся в «русско-кавказской» прозе XIX в. художественной традиции местом действия в рассказе “Madmoiselle Jeannette” вновь является зона северокавказского фронта. Гендерную составляющую рассказа определяет история взаимоотношений двух женщин, также представляющих две стороны «военной баррикады», – это жена русского офицера Наталья Сергеевна и юная черкешенка Жаннетт. Модель их взаимоотношений во многом напоминает «дружбу-вражду» между Аммалат-беком и Верховским и в определенном смысле может трактоваться как ремейк бестужевской «мужской модели» на сугубо женском материале.

Особой темой для разговора является фанатичная преданность маленькой пленницы своему «похитителю», «господину», «урус-джигиту», которого она боготворит до чрезвычайности. Сам автор, объясняя феномен «привязанности женщин к воинам племени, враждебного их народу», дает интересную трактовку с антивоенной, пацифистской позиции: «Может быть, подобное чувство показывает в женщинах совершенное отсутствие политических добродетелей, но сколько раз их привязанности к чужеземцам, смягчая нравы и извлекая симпатию из дикой борьбы, или сокращали войны, или незаметно подготавливали дружбу между нациями» [Там же, с. 555].

В повести затронут еще один интересный вопрос, связанный с супернормативной физической силой мадмуазель Джаннет, о которой автор постоянно упоминает. На первый взгляд это не очень типичный образ кавказской горянки, мир которой все же замкнут преимущественно пределами домашнего очага, поскольку тяжелый физический труд всегда на Кавказе был прерогативой мужского населения. Но в данном конкретном «кавказоведческом» рассказе, думается, А. В. Дружинин проявляет себя как настоящий реалист, поскольку он рисует не просто «северокавказскую женщину», а «северокавказскую женщину в условиях войны». Жестокие условия войны не позволили маленькой горской девочке остаться в своей родной «женской нише», вынудив ее перенять множество мужских обязанностей – брать в руки винтовку, чистить лошадь, хорошо ориентироваться в горах, уметь себя защищать и т.д. Гиперболизированная физическая сила Джаннет – это ответ женской природы и женского духа на вызов военного времени, когда скрытые физические резервы женщины неоднократно увеличиваются, чтобы компенсировать массовую гибель мужчин в боях. Северокавказская горянка Джаннет, воспитанная в русской среде, представляет собой «образ нового, поликонцептуального человека, преодолевшего узость этноцентрического сознания» [6, с. 106].

Печатью индивидуального почерка самой высокой пробы отмечен реализм Л. Н. Толстого в его знаменитой повести «Хаджи-Мурат» [12]. Как отмечает К. К. Султанов, «при обращении к кавказскому сюжету Л. Н. Толстой обнаружил невиданные доселе в его практике рвение исследователя, требовательность аналитика,

педантичность источниковеда, оставаясь неизменно художником» [10, с. 109]. Писатель специально изучал языковую картину, историю, географию, этнографию Кавказа, интересовался антропонимикой и т.д. Весь узел противоречий, связанных с войной, фронтиром, коллизиями гендерного характера, Л. Н. Толстой «снимает» поэтизацией семьи, являющейся для него квинтэссенцией самой жизни. Автобиографические черточки самого писателя с его культом семьи легко прочитываются в образе Хаджи-Мурата, для которого в иерархической системе ценностей семья занимает первое место. Нетрудно заметить, что с представителями противоположного лагеря он легко выстраивает дипломатические мосты там, где есть сакральное пространство семьи (дом Воронцовых). Само понятие «семья» для русского писателя и его героя-протагониста – высшая форма отрицания войны.

В романе Л. Н. Толстого военные крепости северокавказского фронта «очеловечиваются» присутствием в них женщин. С большой симпатией автор также рисует образы не только горянок, но и славянских женщин – Марьи Васильевны и Марьи Дмитриевны, «дочери фельдшера». С точки зрения народной дипломатии им нет цены. По Толстому, субкультурой северокавказских народов выработался некий невидимый «женский фронт», противостоящий тотальной милитаризации населения, разгулу зла и насилия в обществе. Сами народы, движимые инстинктом самосохранения, придумали и ввели в пользование множество тонко разработанных «гендерных» механизмов ослабления антагонизма между противоборствующими сторонами. Аталычество, «молочная мать», побратимство, белые платки – все это своего рода социальный протест против эпидемии «людовой ненависти».

Л. Н. Толстого всегда волновала проблема воспитания и просвещения детей. Воплощая свои педагогические идеи в жизнь, он написал несколько нравоучительных рассказов, среди которых особое место занимает «Кавказский пленник» [11]. Для писателя, отрицающего войну как наиопаснейшую из всех мыслимых социальных катастроф, чрезвычайно важными представляются такие человеческие качества, как доброта, милосердие, сострадание. Все перечисленные этические качества русский писатель вкладывает в образ женщины, горянки – маленькой девочки по имени Дина. Задуманный Л. Н. Толстым как детское произведение рассказ «Кавказский пленник» перерастает рамки своего жанра и превращается в философский текст с ярко выраженной антивоенной направленностью. В нравственном облике малолетней горской девочки просматривается первоначально движение «Белые миротворческие платки» и «Материнское сердце», которые на рубеже XX-XXI вв. на Северном Кавказе станут мощной антивоенной общественно-правовой силой.

Северокавказская гендерная картина мира, созданная русскими писателями, в точности, без романтических прикрас отображает реальный статус женщин и мужчин в горском патриархальном обществе, осложненном условиями войны. У каждого из писателей-реалистов свои собственные творческие находки в художественно-философском решении мировоззренческих и гендерных проблем. Художественные традиции, заложенные представителями русской реалистической школы, впоследствии нашли свое логическое продолжение в северокавказской гендерно маркированной литературе, «отозвавшись новыми мотивами, темами и образами» [1, с. 25].

Список источников

1. **Берберов Б. А.** Ностальгические мотивы в лирике Халимат Байрамуковой // Репрессированные народы: история и современность: материалы республиканской научной конференции (30-31 октября 2003 г.). Карачаевск: КЧГУ, 2003. С. 24-27.
2. **Бестужев-Марлинский А. А.** Амалат-бек // Опальные: русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3-х т. / под ред. д. соц. н. В. А. Шаповалова, д. филол. н., проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 55-109.
3. **Дружинин А. В.** Mademoiselle Jeannette: рассказ // Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 2-х т. СПб., 1863. Т. 1. С. 546-579.
4. **Захаров В. А.** «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова: в 2-х ч. Краснодар: КГУ, 2014. Ч. 1. С. 26-81.
5. **Крадецкая С. В.** Проблема материнства. Взгляд русской общественности рубежа XIX-XX вв. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (3-6 октября 2013 года): в 2-х т. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. Т. 2. С. 164-167.
6. **Кучукова З. А.** Образ русского человека в балкарской литературе // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 105-110.
7. **Лермонтов М. Ю.** Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. / сост. и комм. И. С. Чистовой; вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. Т. 2. С. 481-614.
8. **Лермонтов М. Ю.** «Нет, я не Байрон, я другой...» // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. / сост. и комм. И. С. Чистовой; вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. Т. 1. С. 130-131.
9. **Соснина Е., Карбоне А., Ямазги А. М.** Ю. Лермонтов: между Западом и Востоком. Эссенцуки: Творческая мастерская «БЛГ», 2012. 274 с.
10. **Султанов К. К.** От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. 301 с.
11. **Толстой Л. Н.** Кавказский пленник // Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М.: Детская литература, 1978. С. 488-507.
12. **Толстой Л. Н.** Хаджи-Мурат // Толстой Л. Н. Повести. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1985. С. 385-498.
13. **Шебзухова Т. А., Берберова Е. Г.** Северокавказский фронт Российской империи (1722-1864 гг.). М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. 224 с.

RUSSIAN "CAUCASIAN STUDIES" PROSE OF THE XIX CENTURY: GENDER DISCOURSE

Mankieva Eset Hamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

The subject of the study is gender discourse of the Caucasian theme in the interpretation of the Russian writers of the XIX century – A. A. Bestuzhev-Marlinsky, A. V. Druzhinin, M. Yu. Lermontov, L. N. Tolstoy, each of whom happened to be a participant or witness of the Caucasian War (1722-1864). The objective is to identify the specificity of the North Caucasian gender world view in the literary interpretation of representatives of the Russian realistic and romantic schools. For the first time by the material of the "Caucasian studies" Russian literature, the collective image of the XIX-century woman – mountain dweller is recreated. The results of the research contribute to the little-studied gender theory, gender discourse of the Russian literature and scientific Caucasus studies. The author comes to the conclusion that A. A. Bestuzhev-Marlinsky, A. V. Druzhinin, M. Yu. Lermontov and L. N. Tolstoy are Russian writers, who captured the physical, psychological and mental character of the North Caucasian woman in conditions of the frontier realistically. The defining feature of her image is the ability to think "above the conflict", the total denial of war and the establishment of peace as the highest value.

Key words and phrases: Russian literature; prose; Caucasian studies; gender; Bestuzhev; Druzhinin; Lermontov; Tolstoy; peacemaking.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 22.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.6>

В статье представлен анализ творчества представителей «магической» природной лирики немецкоязычных поэтов XX века с точки зрения проблемы аутентичности художественного высказывания. Автор опирается на основополагающие труды М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана. Исследование проводится в схеме теории художественной деятельности автора, разработанной Н. Т. Рымарем совместно с В. П. Скобелевым. Новый подход, позволяющий представить творчество поэта как становящийся смысл, вырабатываемый художником в его диалоге с миром, открывает новые перспективы. «Магическая» природная лирика рассматривается автором как один из способов решения поэтами творческой задачи – как поиск нового аутентичного художественного языка в эпоху кризиса культуры.

Ключевые слова и фразы: кризис культуры; «магическая» пейзажная лирика; аутентичность художественного высказывания; О. Лёрке; В. Леман; Э. Ланггессер; Й. Бобровский; К. Кролов.

Мельникова Ирина Марковна, к. филол. н., доцент
Самарский государственный технический университет
Ir.ma53@mail.ru

**«МАГИЧЕСКАЯ» ПРИРОДНАЯ ЛИРИКА В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ
АУТЕНТИЧНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Процессы, происходящие в нравственно-идеологической сфере рубежа XIX-XX вв., вызванные бурным ростом промышленности, многочисленными научными открытиями и изобретениями, вместе с появившимися небывалыми возможностями расширения собственных границ привели к расшатыванию морально-нравственных представлений, традиций и устоев. Конфликт между жизнью и сознанием, языком и опытом реальности, как убедительно показывает Н. Т. Рымарь, нашел выражение в кризисе художественных форм, связанных с традиционными ценностями и формами восприятия действительности [7]. Традиционные формы больше были неспособны передать состояние человека и мира вокруг него. В ситуации кризиса культуры и смены культурных парадигм, когда «слово... демократизировалось, но утратило авторитетность и надежность, потеряло доверие» [2, с. 260], художник вынужден обращаться к своим внутренним основаниям, личному опыту, позволяющим ему найти и сформировать свой индивидуальный авторский язык, адекватный его восприятию действительности.

Поиски нового художественного языка, адекватного изменившемуся сознанию и отвечающего изменившимся условиям, реализовывались в различного рода художественных формах, стилях и способах, которые оформлялись в более или менее крупные течения: экспрессионизм, дадаизм, сюрреализм и др. Рождались новые формы и новые смыслы, переосмысливались старые, привычные. Одним из наиболее интересных, но вместе с тем мало изученных проектов нам представляется направление «магической» природной лирики, у истоков которого стояли крупнейшие немецкоязычные поэты Оскар Лёрке (Oskar Loerke, 1884-1941) и Вильгельм Леман (Wilhelm Lehman, 1882-1968), оказавшие значительное влияние на целое поколение поэтов. Такие разные поэты, как Й. Бобровский, Э. Ланггессер, К. Кролов, испытали влияние этого течения, не утратив при этом своей самобытности. Точкой их соприкосновения немецкие литературоведы называют особое отношение к природе. Природа в их произведениях представала не просто как предмет изображения, но как своеобразный